ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Коруховой Людмилы Владимировны «Д.П. Ознобишин – переводчик: традиции, художественно-стилевое своеобразие», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Диссертация Людмилы Владимировны Коруховой принадлежит к числу исследований, выполненных на крайне актуальную тему. В представлениях даже искушенного знатока русской поэзии XIX века имя Д.П. Ознобишина не занимает какого-то исключительного или обособленного места. Массовому читателю он и вовсе известен одним своим стихотворением, ставшем популярной песней. И дело не только в пресловутой «заслоненности» поэта более яркими его современниками, в результате которой Ознобишин к концу XIX века был практически забыт. А в исключительной сложности и неоднозначности самой фигуры Ознобишина и его художественного мира.

До сих пор никто даже не подступался к созданию его полноценной научной биографии, в должной мере не изучены архивные материалы, журналы и газеты с его возможными публикациями. О чем говорить, если даже более или менее полное собрание сочинений поэта, благодаря стараниям Т.М. Гольц и ее дочери Н. Н. Холмухамедовой, появилось только в начале нынешнего столетия, а разновекторная, а подчас и излишне узкая, литературоведческая рецепция не привела в итоге к созданию серьезных обобщающих трудов об Ознобишине.

На сегодняшний день мы имеем достаточно пеструю мозаику из разных и не всегда равноценных публикаций, которые дают богатую пищу для размышлений, но пока еще не могут быть устойчивым

фундаментом для воссоздания целостной картины художественного наследия Д. П. Ознобишина. Собственно, такую всеобъемлющую задачу не ставит перед собой и Л. Корухова, ведь речь идет о поэте-полиглоте, прекрасно владевшем несколькими европейскими и восточными языками, знание которых формировало его индивидуальную поэтику.

Обращаясь к переводческой деятельности Ознобишина, соискатель допускает постепенное сужение материала, анализируя в третьей главе переводы Ознобишина из Томаса Мура и Байрона в их сравнении с оригиналами. Такое сужение (от общего к частному) выглядит вполне оправданным и логичным на фоне первых двух глав.

В первой главе ключевой является тема «контекста»: поэтическое становление Ознобишина рассматривается во взаимосвязях с московской переводческой школой 20-30-х гг. XIX века, и в особенности с С.Е. Раичем. Именно с Раичем и его кружком главным образом связано формирование эстетических вкусов поэта: его круг чтения, отношение к поэтическому языку, к принципам художественного перевода.

Очень важно, что соискатель избегает категоричности, вслед за А. Гиривенко ставя во главу угла особую стилевую манеру Ознобишина-переводчика, которую отличала «деликатность». Буквальное следование оригиналу не было догмой для поэта, что позволяло ему в своих стихотворениях отклоняться от подлинника.

Вторая глава интересна тем, что в ней творчество Ознобишина анализируется как проявление общих тенденций в развитии русской культуры этого периода, все более ощущающей себя в ряду мировых. В этом смысле Ознобишин вместе с И. Козловым, В. Жуковским, М. Лермонтовым и другими русским поэтами расширил, как справедливо пишет соискатель, «историко-культурные представления и

тематические рамки поэзии» (с. 75), сделав достоянием читающей публики многие шедевры как европейской, так и восточной лирики.

С другой стороны, автор не упускает из виду и региональный/семейный аспект, который Корухова относит к субъективным факторам, способствовавшим зарождению интереса Ознобишина к литературе, к творчеству и в частности к переводческой деятельности. Хотя субъективность здесь явно неточное определение, если говорить о громадной, насчитывавшей десятки тысяч томов симбирской библиотеке Ознобишина.

Наличие у всех, или почти у всех, известных русских писателей первой половины XIX века больших книжных собраний явление типичное, во многом определяющее культурный «код» дворянской культуры. Но надо отдать должное исследователю, впервые в науке собрание Ознобишина, часть из которого находится в фондах Ульяновской областной научной библиотеки, рассмотрено столь подробно, хотя и не исчерпывающе. Впрочем, упомянутых в обзоре книг и журналов, читателем которых был Ознобишин, вполне достаточно, и даже с избытком, для доказательства мысли о том, что мировоззрение поэта-переводчика, его феноменальная эрудиция была обусловлена чтением.

Заключительная третья глава, основанная на сравнительном текстуальном анализе, конкретизирует и в то же время подтверждает сквозной тезис соискателя: в своих переводах с английского поэт гармонично, умело и тонко совмещал буквализм и «благоразумную свободу». Стремясь к адекватности переложения, Ознобишин искал и, как показывает Корухова, находил, наиболее оптимальные, по его разумению, русские слова, ритмические рисунки, интонационно-синтаксические конструкции для передачи поэтических идей иноязычных авторов.

В этом поиске отразилась богатая внутренняя натура поэта, его самобытное, «ознобишенское» начало. «Особенность англоязычных переводов Ознобишина заключается в том, что поэтизируя английский текст, он трансформирует его в своем сознании, создавая, тем самым, новую картину через новые понятия. На этой основе содержание оригинала раскрывается и насыщается новыми смысловыми оттенками, придавая ему объемность и глубину. Идеи, мотивы, образы английского поэта вместе с элементами картины мира русского художника слова формируют своеобразный поэтический синтез русского и английского восприятия мира» (с. 152).

Думаю, что научная ценность диссертации Коруховой заключается в том, что автор сделала важный и необходимый поступательный шаг в освоении литературного наследия поэта, в осмыслении его переводческого художественного мира, в понимании его роли среди своих современников. Также следует отметить, что основой текстологической базы исследования стали не только опубликованные произведения Ознобишина, но и рукописные источники, впервые вводимые автором в научный оборот.

В приложении помещены весьма ценные материалы из рукописного фонда Института русской литературы, в частности перевод Ознобишиным повести Томаса Мура «Светило Гарема». Это и определённый итог многолетней работы Коруховой по изучению литературного наследия Ознобишина (достаточно сказать, что первая статья о поэте была опубликована соискателем в 2008 году, а всего в течение десяти лет – 24 статьи, включая одну монографию), но в то же время и серьезная точка отсчета для новых исследований.

Вместе с тем при прочтении диссертации возникает ряд вопросов, решение которых неизбежно при дальнейших исследованиях и будущих публикациях. Прежде всего – проблема терминологии, причём терминологии общепринятой в

литературоведении. Например, соискатель неоднократно употребляет термин «период», но более или менее четкой периодизации творчества Ознобишина не дает. По сути, выделены только 20-30-е годы, фигурирующие под разными названиями – ранний, московский, пансионный период , 1850-70-е гг. определяются как «последний».

Совершенно очевидно, что выверенная и обоснованная периодизация необходима как при более широком, так и узком, охвате материала, когда берутся только переводы. Так на стр. 59 соискатель резюмирует: «Нам важно охарактеризовать основные направления художественного перевода, существовавшие в начале XIX века, и определить, приверженцем какого типа перевода (буквального или вольного) был Ознобишин в 20–30-е годы, в период его активного обращения к английской поэзии». Но анализирует при этом (помимо стихотворения «Юноша-певец» из Томаса Мура, написанного в 1826 году) перевод из Роберта Бернса « К Маргаритке, которую сам в 1786 году срезал неосторожно плугом», опубликованный в 1843 году и относящийся явно к другому периоду творчества Ознобишина.

Полагаю, что автор диссертации незаслуженно умаляет значение таких терминов (или не использует совсем) как « романтизм», «жанр», «лирический герой» и ряд других, которые могли бы помочь в воссоздании более глубокого представления о переводческой деятельности Ознобишина в контексте эпохи. По этой причине некоторые выводы соискателя представляются как минимум небесспорными. Так достаточно умозрительной, основанной только на предположении Т. Гольц, и в целом не вытекающей из художественной логики перевода, является трактовка «юноши-певца» Ознобишина как «молодого поэта-декабриста», восстающего против самодержавия и деспотизма» (с. 49).

Заметна также и некоторая несбалансированность работы, выражающаяся в ряде повторов, иногда критичных. Так на стр. 61 соискатель цитирует письмо Раича Ознобишину: ««неисчерпаемый запас новых пиитических выражений, оборотов, слов, картин; тогда бы все для нас – на нашем богатом языке – опоэзилось. <...> Чтобы дополнить это "опоэзение" нашего языка, – добавляет он, – надобно перенести к нам поэзию Востока. Этот благороднейший, прекраснейший труд принадлежит вам, любезный друг, конечно вам, по крайней мере значительною частию». На стр. 69 присутствует та же цитата, но в укороченном виде, при этом слово «опоэзение» написано без кавычек, «вам» написано с большой буквы, глагол «принадлежит» пишется как «предлежит» (опечатка?), есть различия и в пунктуации.

Все дело в том, что письмо цитируется по разным источникам. В первом случае по статье М. Васильева «Из переписки литераторов 20–30 гг. XIX века: (Д. П. Ознобишин. – С. Е. Раич. – Э. П. Перцов)», опубликованной в 1929 году в Известиях Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, во втором – по переписке Александра Бестужева к П. А. Вяземскому (1823–1825) , напечатанной в 1956 году в 60 томе «Литературного наследства». Все цитаты даны в новой орфографии, но по неизвестной причине еще одно письмо – Ознобишина князю В. Ф. Одоевскому публикуется в старой (с. 35)

В отдельных местах диссертация не выверена с точки зрения стиля: «вращаясь в литературных кругах в рамках редакторской деятельности» (с. 41), «бесценный исток для вдохновения» (с. 62), «позволяет раскрыть условия (чего?-А.Р.), детали…» (с. 86) и др. Встречаются опечатки и неточности («действенный член «Общества любителей российской словесности» вместо «действительный», с. 29).

Указанные недочеты, однако, носят частный характер и ни в коей мере не колеблют общего положительного отношения к представленному на отзыв научному исследованию Л. Коруховой. Диссертация, статьи, монография и автореферат в совокупности убедительно раскрывают заявленную тему. Результаты исследований могут быть использованы для последующего изучения истории русского поэтического перевода XIX века, русско-английских литературных связей, в краеведении, при подготовке вузовских курсов по истории русской литературы первой трети XIX века, спецкурсов и спецсеминаров по истории и теории перевода.

Рецензируемая диссертационная работа соответствует критериям кандидатских диссертаций, указанных в пп. 9-14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Правительством Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор Корухова Людмила Владимировна достойна присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Официальный оппонент,
кандидат филологических наук (специальность 10.01.01 – русская литература), доцент, специалист Центра развития истории и культуры региона
АНО «Центр стратегических исследований
Ульяновской области» Рассадин Александр Павлович

24 апреля 2019 года

АНО «Центр стратегических исследований
Ульяновской области»
Почтовый адрес: 432071, Ульяновск, ул. Радищева, дом 116а
Телефон 8 (8422) 240606
Адрес электронной почты: info@csiul.ru
Сайт www.csiul.ru